

Туфанова О. А.

ОБРАЗ ИВАНА ГРОЗНОГО ВО "ВРЕМЕННОМ" ИВАНА ТИМОФЕЕВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/92.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 218-221. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

иронизирует: «Where was the "stup" speaker from? I'm from St. Louis. and I've always said "stop" as in "pop"», подразумевая, что британцы преувеличивают. Концептуальная оппозиция «свой-чужой» вербализована местоимениями *we*, *my*, *I*, а также лексемой *Americans*, означающей «чужой».

Высокомерные комментарии так же ярко демонстрируют концептуальную оппозицию «свой-чужой», акцентируя превосходство той или иной лингвокультуры. Приведем примеры с сайтов. Американка пишет: «I totally agree with Kathryn about the fluidity and aesthetic qualities of the **British** accent. It really does sound more refined and proper», на что британец отвечает, демонстрируя свое превосходство: «There are dozens of **British** accents! Can you tell the difference between them? I've found that most **Americans** can't». Концептуальная оппозиция «свой-чужой» вербализована: *British, Americans, you, I*.

Таким образом, метакоммуникация является одним из видов американо-британской межкультурной коммуникации, протекающей в форме обсуждения различий в языке и культуре, где проявляется дистанцированность американцев и британцев друг от друга и прослеживается четкая концептуальная оппозиция «свой-чужой», вербализованная, главным образом, местоимениями *they*, *we*, где также наблюдаются тенденции нейтральности, удивления, иронии и высокомерия.

Список использованной литературы

1. Воробьева Е. М. Типы метасообщений и их место в теории метакоммуникации [Текст] / Е. М. Воробьева // Межрегиональные научные чтения, посвященные памяти проф. Р. К. Миньяр-Белоручева: Сб. ст. - Волгоград, 2006. - С. 32-39.

2. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения [Текст] / О. А. Леонтович. - Волгоград: Перемена, 2002. - 434 с.: ил., табл. - ISBN 5-88234-549-9.

3. Шамне Н. Л. Межкультурная коммуникация и проблемы понимания [Текст] // Вестн. ВолГУ. - Сер. 2: Филология. - 1997. - Вып. 2. - С. 105-110.

4. Hewitt K. Understanding Britain [Text] / Hewitt K. - Oxford, 1996.

5. Smith J. American -British British-American dictionary [Electronic resource] / J. Smith: <http://www.peak.org/~jeremy/dictionary.htm>. - Загл. с экрана.

ОБРАЗ ИВАНА ГРОЗНОГО ВО «ВРЕМЕНИКЕ» ИВАНА ТИМОФЕЕВА

Туфанова О. А.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

XVII век вошёл в русскую историю и русскую литературу как «бунташный». В литературе уже в начале столетия меняется «отношение писателя к действительности, к литературному труду, к пониманию человека» [История 2007: 355]. В изображении литературного героя, будь то историческая личность, монах или «маленький человек», писатель отказывается от средневекового принципа «абсолютизации» [Лихачёв 2006: 14], «абстрагирования, когда герой был либо праведником, либо грешником» [История 2007: 355]. В центре внимания писателей оказывается живой человек, которого «нельзя уложить в привычную схему» [Державина 1946], поскольку в нём причудливо переплетены хорошие и дурные качества. Человек начинает восприниматься и изображаться как сложная и противоречивая натура.

«Временник» дьяка Ивана Тимофеева, посвящённый событиям Смутного времени и охватывающий период от царствования Ивана Грозного до восшествия на престол Михаила Романова, состоит из 64 самостоятельных очерков [Полосин 1949], пронизанных тематической и идейной близостью [Державина 2004]. Пытаясь разобраться в причинах, вызвавших смутную годину в России, писатель создаёт галерею портретов исторических деятелей XVI-XVII веков. Стремясь к объективности повествования, Тимофеев избирает в качестве ведущего художественного принципа своего повествования принцип правдоподобия. Демонстрируя свой художественный метод, он пишет: «Елика убо злоторная его подробну написати подщажомся, сице и добротворивая о нем исповедати не обленимся... егда злоторная одинако изречена бы, добрая же от инех сказуема, нами же умолкнута, - яве неправдование обнажилось бы списателява; а иже обоя вправду известуема без прилога, всяка уста заградятся» [Временник 2004: 63]. От писателя-историка Тимофеев требует правдивости в оценке людей и событий; писатели, по его мнению, должны честно рассказать и о положительных, и о негативных сторонах личности. Ярким примером такого подхода к изображению исторической личности являются главы, посвящённые образу Ивана Грозного.

Анализируя исторические события современной ему эпохи, Иван Тимофеев проводит чёткое разграничение между истинными царями всея Руси и лжецарями. Описание царей и самозванцев на российском престоле осуществляется писателем на основе сопоставления одних и тех же параметров, а именно: происхождение и законность наследования престола, значимость имени, отношение к православной вере, воинские качества. Поэтому в характеристике Ивана Грозного на первый план в памятнике выходят положительные качества его как царя. «Временник», по словам Д. С. Лихачёва, открывается «риторической похвалой» [Лихачёв 2006: 17] Ивану IV.

Уже на самых первых страницах памятника Иван Грозный удостаивается высоких поэтических эпитетов, значение которых усиливается приставкой *пре-* и обобщающим местоимением *всех*: «превысочайшаго во истинну и преславнейша всех бывших... паче же во благочестних над всеми пресветлыми» (10); «Иванна, превеликого царя»(16). Данный способ усиления звучания эпитета проявляется и в конце памятника, где

Тимофеев, подводя итог своему писанию, кратко пересказывает ведущие характеристики царей и лжецарей. Вместо «Грозный» Тимофеев употребляет здесь эпитет «Всегрозный» (150).

Создавая идеализированный портрет истинного государя всея Руси, Тимофеев подчёркивает такую важную в контексте произведения о Смуте черту, как законность наследования престола и древность рода, к которому принадлежал Иван Грозный: «государя Василия Ивановича великого князя и царя *корень по колени* и муж прародителей своих... помазан к царству... Не бо точию от Рюрика начало имяху о нем, но от самого Августа Цесаря Римскаго и обладателя вселенною, влечахуся во своя роды... *законно же и свято-лепно сынови от отец* доднесь происхождаху» (10-11). В итоговой главе «Зачало» снова упоминается, что Иван Грозный - законный наследник царского престола, ибо он «сын великаго князя Василия» (150).

Отличительной особенностью всех истинных царей были значимые имена, даваемые им при рождении. Имя «Иоанн» толкуется Тимофеевым как благодать: «благодатноименнаго царя» (11); «Благодати же соименный» (150). Ср.: имя «Борис» не имеет никакого толкования и даже не вписано Богом в «животные книги» «богоненавистных... дел ради». Имя «Григорий» также не имеет иноказательного варианта в тексте. Более того, Тимофеев дважды в одном предложении говорит о том, что Гришка Отрепьев, назвав себя царским именем - Дмитрием Ивановичем, таким способом «всынотворився»: «преславным именем во образе царска сына вменився... всынотворився ему» (83).

Важным положительным качеством в характеристике истинных царей является благочестие. Не случайно одним из постоянных эпитетов, сопровождающих образ Ивана Грозного, становится эпитет «благочестивый», «благочестивый»: «во *благочестних* над всеми пресветлыми» (10); «паче же сроднаго естества причтешя по *благочестию* преже его благоверным бывши; *благочестивых благочестивейшии*» (11). Его благочестие подобно благочестию его предков, от них он воссиял, «яко утренняя от солнца восходит заря» (11). И это не было показной верой, что весьма значимо для Тимофеева. Твердость в вере [«самоизвольную его о вере твердость известную» (16), «за непоколебимое веры столповиднаго его стояния» (17)] - оценивается автором как положительное качество, отличающее истинного царя всея Руси от неистинного. В «Зачале» снова повторяется эта характеристика: Иван Грозный именуется «благочестию твердый рачитель» (150). Более того, в финале эта характеристика усиливается: вслед за отцом, повествует Тимофеев, Грозный под конец жизни принял иночество: «временное царствие в конец жизни си един по едином, второй по первом, иночеством измениша обои» (150).

Наконец, Иван IV предстаёт в повествовании царём-воином. Правда, Тимофеев нигде в памятнике не говорит о военных заслугах Ивана Грозного, более того, даже не упоминает о них, но в тексте встречаются косвенные указания на эту отличительную черту. Тимофеев сравнивает славу и величие Ивана Грозного со славой и величием Александра Македонского: «яко же Макидон некогда, вселенной царствуя» (10). Называет Грозного «инорогом» «во бранех». Говорит о том, что Иван Грозный отвоёвывал города и земли у других народов и присоединял к своему царству. Его противники - и враги, и соседствующие с Русской землёй государства - постоянно ощущали нависший над ними меч: «егда он жизньствова, тем во мнозех сопротивен бе отгытием градом их, прибавлением же к своему его царьствию; меч бо десница его с воздуху долу не туне свожашеся на противныя, ниже престая ощути» (15). Те же образы использует Иван Тимофеев в финальной характеристике царя: так же упоминается ужасающий противников меч, так же сравнивается Иван Грозный с Александром Македонским, так же подчёркивается его непобедимость, непреклонность к врагам, так же царь именуется собирателем Русских земель. При этом Тимофеев нарочито подчёркивает, что крепость в бранях, присущая Грозному, сочетается с мудростью: «крепок во бранех и мудроумен зело о всех, во всем роде своем изряден быв премудростию, и в силах могутства яко неборим, к варваром в спротивствах земных непреклонен бывая, и в неправдах их мстителъ неумолим» (150).

Таким образом, исходные характеристики Ивана Грозного: величие, благодатное имя, принадлежность к древнему царскому роду, законное наследование престола, благочестие и воинственность - создают привычный для древнерусского читателя образ мудрого и мужественного правителя, получившего свою власть от Бога.

Однако далее риторическая похвала сменяется резкой критикой царя, в правлении которого видятся Ивану Тимофееву истоки Смуты, а сам образ «превысочайшаго... и преславнейшаго всех бывших царей» (10) «превращается под его пером в «венценосного злодея» [История 2007: 358].

За что осуждает Ивана Грозного писатель? Что ставит ему в вину? Прежде всего, «удобоподвижность к злобе». В юности, пишет Тимофеев, Иван Грозный часто пребывал в состоянии гнева и чрезмерной ярости, не знающей милосердия. Страницы глав, посвящённых этому царю, пестрят эпитетами «пламенна гнева» (11), «ярость гнева» (13), «зельныя ярости» (11), «во гнев презельныя» (11), «без милосердия его ярости» (11) и т.д. Данный эпитет практически «срастается» с именем Ивана Грозного в тексте. Пытаясь установить причинно-следственные связи между характером исторической личности и его поведением, Тимофеев даёт вполне реалистическое объяснение ярости царя: «к ярости удобъ подвижен бе, купно по естеству и за гнев» (11). То есть причины частого гнева царя - природная склонность к злобе и грехи подчинённых. Подобного объяснения не знала литература предшествующего периода развития: поведение человека в средневековой литературе объяснялось влиянием «горнего мира», Божьим промыслом или дьявольским умыслом. Здесь же мы встречаем попытку, пусть и робкую на первых порах, объяснить характер человека добродетелями и пороками, присущими человеку от рождения, являющимися отличительными чертами его индивидуального характера.

Одержимый приступами ярости, Иван Грозный, по мысли Тимофеева, возненавидел города земли своей и разделил людей, одних приблизив, других изгнав и казнив: «От умышления же зельныя ярости на своя рабы подвигся толик, яко возненавиде грады земли своя вся и во гневe своем разделением раздвоения едины люди раздели и яко двоеверны сотвори... и всю землю державы своя, яко секирою, наполю некако разсече» (11-12). Лексические повторы, используемые писателем в данном случае, такие, как «земли вся», «всю землю» и «разделением - раздвоения - раздели - разсече», а также «зельныя ярости - во гневe», не следует рассматривать как признак невладения художественным мастерством. По наблюдениям О. А. Державиной, «язык «Временника» Тимофеева - очень сложен» [Державина 2004: 405]: писатель использует различные виды перифразы и иносказания, приёмы игры слов, нанизывания одного слова на другое, внутрифразовые рифмовки, многие его предложения начинаются с череды придаточных и т.д. Здесь же мы имеем дело с намеренным стилевым приёмом, цель которого - создать эффект катастрофичности содеянного в Русской земле. Путём лексических повторов Тимофеев проводит своеобразный словесный гипноз, стараясь убедить своего читателя в том, что именно Иван Грозный положил начало русской смуте.

Одним из неблагоприятных поступков, ярко характеризующих царя, стало разорение Новгорода. Тимофеев с болью в сердце пишет, что «яростивый царь» (15) «упоил бо всю землю мою кровми, различными муками вся люди моя умучая, нетокмо сушу покры, но и водное естество ими згустит» (13). Писатель и в данном фрагменте использует приём лексических повторов («всю» - «вся»; «муками умучая») с той же целью создания масштабности трагедии, переживаемой теперь уже отдельно взятым городом. Дальнейшее повествование усиливает изобразительный эффект: «Яко всяко место телес наполнися падших ото убивающих рук, до толика бе, яко не мощи пожирати трупия мертвых всея твари животным, яже по земли рищущим, и яже в водах плавающим, и яже по воздуху парящим» (13). Ряды однородных членов, раскрывающие понятие «вся твари животным», контрастно оттеняют заявленную в начале фразы метафору «яко всяко место телес наполнися падших». Завершает эпизод числовой мотив, ставящий финальную точку в эпизоде гибели жителей Новгорода: «не бе возможно... кому от земных количество погубления людей исчести» (14), их же число - общее число погибших, сожранных птицами и животными, оставшихся непогребёнными, - только Божий суд объявит.

Будучи «разжен... яростию» (23), Иван Грозный поверил клевете и уничтожил всю семью своего брата - князя Владимира Андреевича Старицкого: «порази брата си напоением смертным купно з женою и с сыном: вси принуждены быша испити смертные горести чашу от повеления руки его» (23). Верный принципу иносказательности, Тимофеев использует в рассказе о гибели князя Старицкого и его близких сразу два символических образа: традиционный для средневековой литературы образ «смертной чаши» и образ льва, используемый в памяти не весьма индивидуально. Последний является во «Временнике» символом лжецарей. Первым в галерею лжецарей, сравниваемых со львом, пред взором читателя предстаёт Борис Годунов: «сий убо по естеству лев» (39); «яко комар лва не дошед порази», - говорит Тимофеев о свержении Бориса самозванцем (83). Льву уподобляется и Гришка Отрепьев: «по сем воста от ложа своего скимен лют» (83); «скимен злый иже священо- и мнихоругатель Гришка Розстрига» (94). Символом же истинных правителей в памятнике был образ «инорога». Но в рассматриваемом фрагменте мы имеем дело с неожиданным сравнением: не распознавший лукавого умысла и поразивший своего брата Иван Грозный сравнивается со львом, причём сравнение выполнено автором в нарочито грубой словесной форме: «яко лев на пути негде срет» (23). В данном случае очевидно сближение образа Ивана Грозного, упрекаемого писателем в казни родственника [Державина 1958], с отрицательными образами самозванцев по степени злобности и характеру преступлений. Снижение высокого образа происходит за счёт использования нетипичного для описания истинного правителя сравнения, значение которого проясняется не мгновенно, а только после прочтения всего произведения.

Страдали от «пламенна гнева» царя не только подчинённые, дальние родственники, но и сыновья Ивана Грозного. Так, «моленный» сын Грозного - Иван Иванович - был «троебрачен», и не потому, что его жёны умирали «в мужестве лет», а потому, что «за гнев еже нань они свекром своим постригаемы суть» (19).

Надо заметить, что устрашал людей не только сам царь, но и его верные воины-опричники. Описание их под стать описанию самого царя. Согласно тексту, Иван Грозный - «яростивый царь» (15) - и по отношению к «сопротивным», и особенно по отношению к «присоверным» был «суров» и «неприступен» (11). Он был настолько «страшен всем» (16), что мог бы «страхом своя власти», если бы захотел, в людях «о вере немужество обнажити» (16). Таковы и опричники: «воины тмообразны... вся от главы и до ног в черное одеяние облек, сообразны же одеждам их и коня им своя имети повели... яко ночь темна» (12-13) и ещё: «от немилосердия работающе... страшаху люди» (13). Создавая образ царя, автор «Временника» в данном случае показывает его в окружении слуг. Одетые во всё чёрное, имеющие чёрных коней, немилосердные, они внушали подданным не меньший ужас, чем сам «неприступный» царь. «По всему воя своя вся яко бесподобны слуги сотвори» (13), - заключает их характеристику и через них косвенную характеристику царя Тимофеев.

Однако психологический портрет Ивана Грозного и избранный писателем принцип правдоподобия, как он его понимал, были бы не точны, если бы не указанные как бы вскользь положительные черты личности царя. К ним Тимофеев относит правильный выбор супруги. Светлый образ царицы Анастасии Романовны, украшенной «душевными добродетельми» (18), избранной царём от «своя земли», просветляет и образ грозного царя. Но ещё более человечным предстаёт «яростивый царь» в сцене оплакивания смерти младенца Дмитрия в лавре преподобного чудотворца Никиты в городе Переяславле: «горькими рыданьми своего

вопля плачь... возвышенными гласы бедне... неприкладную... печаль по бозе нам возложиша всю» (21). Рассказ открывает Ивана Грозного с неожиданной стороны: оказывается, он не только немилосердный злодей, но и человек, способный испытывать глубокие нежные чувства. Так же, как другим людям, ему ведомы душевные муки, боль, он скорбит о преждевременной кончине сына, плачет горько пред Господом и совершает совместную с супругой молитву о даровании им дитя.

Таким образом, Иван Тимофеев пытается дать в образе Ивана Грозного характеристику живого человека, в котором причудливо переплетаются противоречивые по своей природе качества. Истинный царь всея Руси получает двойственную характеристику в памятнике: с одной стороны, образ царя идеализируется, что объясняется дидактическими целями писателя, одной из которых является отграничение истинных государей от самозванцев; с другой стороны, Иван Грозный предстаёт в тексте как сложная, противоречивая личность, совмещающая в себе добрые и злые черты. В художественной манере писателя сталкиваются два различных принципа: описание героя «по функции», т.е. в соответствии со средневековым «этикетом поведения», и описание героя по «видению» человеческого характера, отражающему внутреннюю суть исторической личности.

Список использованной литературы

1. **Временник Ивана Тимофеева** / Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной / Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Репринтное воспроизведение издания 1951 года. - СПб., 2004.
2. **Державина О. А.** Анализ образов повести XVII в. о царевиче Димитрии Угличском // Учен. зап. МГПИ. Каф. рус. лит. - М., 1946. - Т. 7. - Вып. 1. - С. 30.
3. **Державина О. А.** Историческая повесть первой трети XVII века (опыт литературного анализа «Летописной книги», приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому, «Временника» дьяка Ивана Тимофеева и «Сказания» Авраамия Палицына): Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. - М., 1958. - С. 404.
4. **Державина О. А.** Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева. - СПб., 2004. - С. 366.
5. **История русской литературы.** Древнерусская литература: Учебное пособие для вузов / С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская. - М.: Дрофа, 2007.
6. **Лихачёв Д. С.** Человек в литературе Древней Руси. - М.: Наука, 2006.
7. **Полосин И. И.** Иван Тимофеев - русский мыслитель, историк и дьяк XVII века. // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. - М., 1949. - Т. 60. - Вып. 2. - С. 156.

О ВЕЖЛИВОМ ПРЕРЫВАНИИ ДЕЛОВОГО РАЗГОВОРА

Тюрина С. Ю.

Ивановский государственный энергетический университет

Вопросу о прерывании разговора посвящены в основном труды зарубежных учёных [Conley, O'Barry 1979; Beatti 1981; Bennett 1981; West, Zimmerman 1983; Murray 1985; French, Local 1986; Greenwood 1989; Tannen 1990; Ulijn, Li 1995].

Прерывание разговора само по себе рассматривается как невежливое, и даже враждебное речевое действие. Прерывающий видится агрессором, а прерванный собеседник - невинной жертвой. Прерывание разговора рассматривается как демонстрация власти, силы, как попытка доминировать в диалоге: "Interruption is an intrusion, an attempt to dominate..., a violation of someone's speaking rights" [Tannen 1990: 189].

«Прерывание» трактуется как одна из основных стратегий контроля диалога. В тоже время это нарушение правил и принципов экспектации (expectational principle) относительно правил мены коммуникативных ролей. Однако А. Гринвуд, исследуя речевое взаимодействие детей, отмечает, что чем больше прерываний содержит диалог, тем комфортнее чувствуют себя дети.

Исследователи разграничивают понятия "прерывание" (interruption) и "одновременное говорение" (overlapping). А. Беннет говорит о прерывании разговора, когда нарушаются права одного из говорящих ("violating another speaker's right and obligations"). Чтобы говорить о прерывании разговора, необходимо владеть следующими знаниями о собеседниках и ситуации: тема и продолжительность разговора, как долго говорит каждый из участников, их взаимоотношения, как они относятся к факту прерывания, а главное с какой целью один собеседник перебивает другого.

Для определения понятия "одновременное говорение" (overlapping) достаточно использовать механические критерии, поскольку любой человек, услышав диалог или запись на кассете, может определить, когда два человека говорят одновременно.

"Одновременное говорение" или "накладывание реплик" (overlapping) рассматривается Д. Таннен как одна из стратегий поддерживать постоянство течения беседы: "Overlapping is a way to keep the conversation going without risking silence" [Tannen 1990: 205]. Прерывание трактуется исследователем как одна из стратегий контроля диалога: "Interruption has little to do with beginning to make verbal sound while someone else is speaking, though, it does have to do with issues of dominance, control, and showing interest and caring" [Tannen 1990: 215].

К. Уэст и Д. Х. Циммерман рассматривают следующий пример как прерывание разговора, поскольку второй участник начинает речевой ход, в то время как первый ещё его не закончил.